

18+

Сергей Пилатов

СЕРЁГА

Или... мальчик, юноша, мужчина
в последние годы советской эпохи

Книга третья

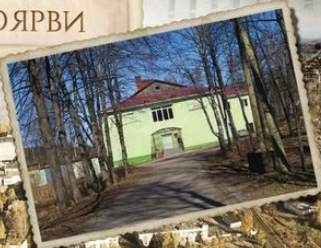

Суоярви

Суоярвский народный театр
С. Пилатов, Ю. Вьюжинов

ПЛЕННИК

Политический пленник
но мотивы его поведения
слава КИСС

Сергей Пилатов
**Серёга. Или... мальчик, юноша,
мужчина в последние годы
советской эпохи. Книга третья**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70541842
ISBN 9785006273580*

Аннотация

Данная книга «Серёга» является частью гексалогии о мальчике, который родился в конце пятидесятих годов прошлого века в СССР, дожил до начала 1990-х, когда СССР не стало, и живёт до сих пор, пройдя через все смутные и непростые времена. В третьей книге, охватывающей небольшой период его жизни, рассказывается о не совсем удачном первом опыте независимой трудовой деятельности в качестве режиссёра в отдалённом уголке Карелии

Содержание

Часть первая.	7
В деревню за дипломом	7
Спящий районный начальник культуры	14
Весёлые служители культуры	21
Пленник Суоярви. Как найти артистов?	33
Конец ознакомительного фрагмента.	41

**Серёга
Или... мальчик,
юноша, мужчина
в последние годы советской
эпохи. Книга третья**

Сергей Пилатов

*Благодарю за содействие
в создании книги «Серёга»:
Пилатову Ольгу Ивановну,
Кангур Марину Анатольевну,
Пилатову Наталью Сергеевну,
Пискарёва Сергея Львовича
«Всё, что ни делается, – к худшему».*

Автор

Редактор Ольга Ивановна Пилатова

Корректор Венера Ахунова

© Сергей Пилатов, 2024

ISBN 978-5-0062-7358-0 (т. 3)

ISBN 978-5-0060-8777-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Говорят, не надо искать приключений на свою задницу (скажу культурно, чтобы не поднимать тему возрастной маркировки этой книги до 18+)

Видимо, Серёга до своих 20 лет так и не усвоил эту истину.

Иначе ничем не объяснить, почему появилась эта книга, которая охватывает пусть и небольшой – всего в общей сложности полгода, но принципиальный период в его жизни. В основном этот период связан с разочарованиями. С разочарованиями в Серёгиной идее в том, что слава должна приходиться просто потому, что он достоин её.

И можно было бы назвать этот период драмой разочарований, учитывая, куда он попал в результате, но это означало бы пойти против истины.

Жизнь даётся человеку один раз, и желательно оценивать те или иные события в комплексе со всем тем, что было ДО, и с тем, что было ПОСЛЕ. Заниматься размышлениями на тему: а что было бы, если бы Серёга остался в родном городе Ленинграде, поступил в аспирантуру, отслужил бы в армии условно, продолжая работать или учиться... не имеет смысла, потому как Серёга уверен, что было бы хуже. Почему?

А потому что всё, что описано в этой книге, это про очень

хорошую школу, которую Серёга был обязан пройти наравне со средней и высшей школой. Пафосно можно это назвать школой жизни. Пожить вне семьи в отдалённом северном городском посёлке в собственном жилье без удобств рядом с бывшими заключёнными, пытаясь себя реализовать при всеобщем принципиальном равнодушии со стороны коллег, испытание ленью, нездоровым образом жизни и административной замшелостью.

По крайней мере, есть что вспомнить...

Часть первая.

Режиссёр в поисках артистов

«Опыт — это слово, которым люди называют свои ошибки».

Оскар Уайльд

В деревню за дипломом

В каждом институте (ныне академии, университете) необходимо сдать дипломную работу для того, чтобы убедить преподавательский состав в том, что не зря они тратили на тебя своё драгоценное время на протяжении четырёх или пяти лет. В большинстве учебных заведений дипломные работы пишут и затем, в ряде случаев, публично защищают. В художественных учебных заведениях дипломные работы рисуют или лепят, в музыкальных надо сочинять музыку. В институте, где обучают режиссуре, сдачей дипломной работы считалась постановка спектакля или иного представления в каком-либо театре, в данном случае — в народном, в театральном коллективе или даже в обычном кружке при каком-нибудь ЖЭКе (жилищно-эксплуатационная контора).

Если студент не знал, где ему готовить дипломный спектакль, на кафедре могли договориться с домом культуры или с каким-либо народным театром, что к ним придёт студент и ему надо помочь. Но это теоретически. На практике подобное случалось очень редко. Иногородние разъезжались в свои родные города и там договаривались с местным культурным начальством. Спустя несколько лет Серёга понял, что к этому никто и никогда не относился серьёзно. Принесёт студент справку о прохождении дипломной практики по месту жительства, хоть из жилищно-эксплуатационной конторы, приложит рецензию на какую-нибудь театрализованную постановку (да хоть на постановку «Гамлета»!) с оценкой «отлично», а также постановочный план пьесы «Гамлет» – этого достаточно. А была ли постановка или не было, никого особо не волновало. Преподаватели или представители института очень редко и без особого желания ходили на сдачу дипломных работ даже в Ленинграде, а уж за пределы города выезжать – это можно было считать событием...

Самое удивительное, что Серёге не надо было искать «базу», чтобы сдать диплом. Он уже имел опыт работы художественным руководителем в клубе «Юность» Ленинградского радиополитехникума и без всяких проблем мог договориться, чтобы в качестве дипломной работы ему засчитали одну из его постановок или даже реально поставить свою любимую Франсуазу Саган в собственной инсценировке. Сейчас

трудно понять, что ему ещё было нужно.

А ему всего было мало. Сцена в техникуме казалась ему маленькой, молоденькие девчонки надоели, мальчишек не хватало. Он хотел поставить именно спектакль, а не получить подписанную бумажку о том, что он сдал диплом. Настоящий спектакль, с артистами, а не учащимися радиополитехникума, даже, если это артисты народного театра. Он хотел репетировать, он хотел премьеры, зрителей, аплодисментов, восторженных отзывов в прессе. Романтика сверлила ему мозги и иные места, не дающие человеку спокойно сидеть на одном месте...

Пытаясь заглядывать в потаённые, никому никогда не раскрытые Серёгины помыслы, постоянно натываюсь на достаточно примитивную мотивацию его юных подвигов. В данном случае – желание славы. Но совмещено оно было с неосознанным ощущением отсутствия той степени собственной гениальности, благодаря которой можно было бы претендовать хотя бы на фантик от славы. Вся его институтская слава никак не была связана с профессией, и это неосознанное ощущение собственной бесталанности боролось с фатальной верой в собственную неординарность... и так далее. Разберись тут. И, видимо, победило желание опробовать свою неординарность где-нибудь подальше от Ленинграда (где гениев пруд пруди), в месте, где таких неординарных, как он, с гулькин нос или вообще нет. Если уж он и не такой талантливый, как его однокурсники, то где-

нибудь подальше сможет таковым как минимум притвориться.

Прав был Платон, чьи слова приводил Серёа в своём реферате: *«Существующее без всякого противоречия становится тысячи раз несуществующим».*

Посоветоваться было не с кем. Серёга боялся, что друзья-однокурсники только посмеются над ним, и он направился прямоком к заведующему кафедрой режиссуры Борису Васильевичу, который обрадовался приходу Серёги, отложил бумажки, которые просматривал, и со свойственной ему ироничной улыбкой спросил:

– Какие проблемы? Проходи, Серёга, садись!

Серёга осторожно присел на стул и не знал с чего начать. Решил начать с ненавязчивого вопроса:

– Борис Васильевич, знаете ли вы какой-нибудь хороший народный театр не в Ленинграде, где бы я мог поставить дипломный спектакль?

Борис Васильевич с удивлением посмотрел на Серёгу:

– А зачем тебе уезжать? Тебе-то уж можно и в Ленинграде найти хорошее место. Ни хрена себе! Ленинский стипендиат и из Ленинграда! Не понял. Да я тебе здесь найду самый лучший театр.

– Понимаете, Борис Васильевич, не хочу в Ленинграде. Где-нибудь подальше в настоящем народном театре...

Завкафедрой рассмеялся:

– Что-то запретное хочешь поставить? Чтоб никто не уви-

дел? Кстати, а что именно?

Серёга задумался, а стоит ли рассказать свой замысел любимому начальнику? Осторожно достал из своего чёрного дипломата несколько листков с распечатанным текстом сценарного плана:

– Я подготовил инсценировку по роману Энрико Верисимо «Пленник» о войне во Вьетнаме...

Борис Васильевич взял листочки, бегло просмотрел их и перестал улыбаться:

– М-да... Понял. Лучше подальше. Помогу тебе.

Конечно, завкафедрой не разобрался во всех сложных психологических перипетиях Серёги, его мечте о славе и признании. Единственное, в чём он был уверен, что Серёга лёгких путей не ищет. Он стал копаться в каких-то бумажках и вдруг радостно произнёс:

– Нашёл! Смотри – есть знаменитый Суоярвский Народный театр Карельской АССР. Прославленный. Помню я его, кстати, и замдекана наш Александр Сергеевич Никулин хорошо знает, бывал там – куча наград, отличный зал. Артисты интересные есть. Это недалеко, в Карелии. НЕДАВНО туда распределили главным режиссёром нашу выпускницу – Людмилу. Талантливая девочка. Хочешь – езжай.

Борис Васильевич передал Серёге номера телефонов заведующего отделом культуры Суоярвского района и непосредственно Дома культуры:

– Звони! Удачи!

Серёга доверился мнению авторитетов, не зная, что НЕДАВНО для Бориса Васильевича было весьма относительным временным понятием. Получив все необходимые данные о прославленном театре, координаты, а также телефоны контактных лиц, Серёга стал искать город Суоярви на карте, что было непросто. Искал он долго и нашёл его по дороге между Сортавалой и Петрозаводском, окружённым огромным количеством озёр и лесов. Прикинув, как добраться до этого города – центра театральной жизни Карелии (как он уже настроился), Серёга пошёл на Главпочтамт, чтобы позвонить начальнику отдела культуры Суоярвского района по телефону.

Для того чтобы позвонить в Суоярви, надо было идти на Главпочтамт, так как совершенно не хотелось звонить из дома – междугородняя связь требовала громкого голоса, а шуметь дома нежелательно. Главпочтамт находился на улице Союза Связи (ныне Почтамтская улица), недалеко от Исакиевской площади. Даже на Главпочтамте дозвониться оказалось не так просто. К телефону постоянно никто не подходил, и только тогда, когда у Серёги уже возникло желание найти другой телефон (непосредственно Народного театра или Дома культуры), телефонистка пригласила Серёгу пройти в 5 кабину.

– Слушаю вас... – раздался в трубке сонный мужской голос.

– Здравствуйте, Владимир Константинович! – прокричал

Серёга в трубку, так как ему казалось, что связь не очень хорошая. – Меня зовут Серёга! Ленинград! Я из Института Культуры! Я еду к вам, в ваш замечательный прославленный театр ставить спектакль... У вас же есть театр?

– Да... – сонный голос в трубке не выражал никаких эмоций. – А зачем?

– У меня практика дипломная! Я хочу с вашими артистами поставить спектакль. Я послезавтра выезжаю...

Неожиданно связь прервалась. Серёга растерянно повесил трубку, но главное он услышал – театр есть, и о своём приезде все-таки успел проинформировать. Конечно, если бы Серёга услышал, что и как ему ответил начальник отдела культуры, то вряд ли бы поехал в этот город. И вся жизнь его сложилась бы по-другому, но...

Спящий районный начальник культуры

Город Суоярви находился в так называемой приграничной зоне с Финляндией. В те времена, если до границы было менее 50 километров, все города, деревни и посёлки оказывались в зоне, для попадания в которую необходимо было получить специальное разрешение в КГБ. Наверное, так легче было ловить неразумных граждан, желающих покинуть советский рай. Получить пропуск было несложно, имея направление от института на практику, хотя и предполагало некие дополнительные действия, как то поход в специальный отдел КГБ.

Пассажирский поезд Ленинград – Петрозаводск, который проезжал через Суоярви, следовал вдоль границы с Финляндией, и все населённые пункты, где он останавливался, носили труднопроизносимые названия: Маткаселькя, Янисъярви, Кааламо, Хелнаня, Элисенваара, Леппясюре, Райконоски и, наконец, Суоярви – самое простое из всех перечисленных названий города. Поезд отправлялся с Финляндского вокзала поздним вечером, и ехать до этого города было не дальше, чем до Москвы. Судя по всему, желающих путешествовать вдоль финской границы до Петрозаводска было немного, и после станции Сортавала купейный вагон был почти пустым, и Серёга ехал один в купе.

Когда поезд прибыл в Суоярви, Серёга увидел небольшую железнодорожную станцию. Здание, которое следовало бы назвать вокзалом, было весьма скромным, одноэтажным, но, в отличие от станции в посёлке Шортанды, – каменным. Есть буфет, есть окошко с кассой, есть несколько стульев (типа зал ожидания), специальная комната для пограничников. Пограничники стояли у каждого вагона, чтобы никто не мог спрыгнуть с поезда и убежать в Финляндию. Серёга предъявил людям в погонах свои документы и, пройдя сквозь вокзальные скромные помещения, мимо буфета, вышел на то пространство, которое должно было именоваться городом.

Для Серёги из Ленинграда называть этот посёлок городом было трудно, но необходимо из уважения к Суоярви, который именовался одним из важных районных центров Карелии. Удивительно, но прибыв на вокзал, Серёга оказался не на улице Ленина, как в любом другом нормальном городе, а на улице Юрия Гагарина. Такси, которое Серёга ожидал увидеть на вокзальной площади, он не увидел, как и других машин, как, впрочем, и самой вокзальной площади. Он пошёл по улице Юрия Гагарина, так как эта была единственная дорога, которая вела в центр города.

Проходя по этой улице, Серёга мог любоваться только деревянными домами, как в какой-нибудь деревне. Это немного напрягло Серёгу. Была зима, из труб домов шёл сладкий дым, который, смешиваясь с морозным ароматом, создавал

ту деревенскую атмосферу, с которой он был знаком по городу Бологое, где, как мы помним, он иногда бывал в детстве. Но вскоре показались каменные дома, и Серёга очутился в своеобразном центре города, так как увидел четырёхэтажное здание гостиницы, а недалеко – небольшое трёхэтажное здание районной администрации.

То, что в этом городе не одна, а несколько улиц, уже радовало. Более того, в Суоярви была и собственная набережная, которая так и называлась – улица Набережная, потому как пролегла она вдоль красивейшего озера Суоярви от вокзала и упиралась в лес. А также были улицы Пионерская, Советская и улица Нухи Идрисова (герой Великой Отечественной войны, погибший под г. Суоярви). Ленин тоже обижен не был. Его именем называлась самая длинная улица Суоярви. Свой путь начинала она от Петрозаводского шоссе, а затем, как змея проползая через весь город, выходила к озеру и ещё долго вдоль озера тянулась, затем мимо кладбища и, в конце концов, упиралась в Суоярвское шоссе.

Миф о том, что посёлок является городом, создавали каменные дома на улице Победы. Кроме гостиницы и здания администрации, таковыми были общежитие для бывших заключённых, кинотеатр «Космос» с залом на восемьсот человек. Но, безусловно, главной достопримечательностью Суоярви все называли гостиницу «Карелия», которая считалась лучшей во всей Карелии (кроме столицы Петрозаводска). Это было красивое четырёхэтажное здание с самыми совре-

менными по тем временам номерами. На первом этаже гостиницы был расположен ресторан – вторая достопримечательность Суоярви – место, которое служило объектом гордости суоярвского начальства, так как именно там происходили встречи всех почётных гостей города, включая гостей из проверяющих ведомств и заезжих гастролёров из столичных театров. Но об этом месте мы поведаем чуть позже.

Проблем с местами в гостинице не было, и сонная администратор даже не спросила, а что он будет делать в этом городе. Серёга расположился в номере и даже принял ванну перед тем, как пойти знакомиться с районным начальством.

Административное здание находилось недалеко от гостиницы. Буквально – напротив. В этом здании находилось всё, что надо для управления городом и районом: райком партии, райком комсомола, исполком и прочие ведомства. Найти кабинет заведующего отделом культуры Суоярвского района было несложно: в здании три этажа, по одному коридору на каждом.

Голос заведующего отделом культуры Суоярвского райисполкома, который Серёга слышал по телефону, полностью соответствовал внешнему облику его владельца, казалось, что он спит или что его только что разбудили.

Серёге даже было неудобно, так как ему показалось, что именно он своим тактичным стуком в дверь разбудил хозяина небольшого кабинета, в котором расположился абсолютно свободный от бумаг стол, где главным украшением были

три молчаливо стоящих казённых телефона и небрежно брошенные очки в пластмассовой оправе. Человек по фамилии Лебедев обладал типичной внешностью функционера – гладко зачёсанные назад волосы, кругловатое чисто выбритое лицо, мутные слипающиеся глаза и всё. Эту внешность несложно запомнить, если рассматривать фотографии членов Политбюро ЦК КПСС. Лебедев недоумённо рассматривал вошедшего студента, даже очки нацепил, чувствовалось, что он удивился настолько, насколько его удивление могло укладываться в рамки программы культурного развития района:

– Вы из Ленинграда?

– Да.

– Из института культуры?

– Да.

– А зачем приехали?

Удивлённый Серёга присел на стоящий рядом со столом стул, не спрашивая разрешения, и стал объяснять, как он долго искал подходящий театр для постановки дипломного спектакля, какие хорошие отзывы в институте он получил о народном театре Суоярви, в частности, от завкафедрой, и как он счастлив, что именно здесь он сможет реализовать свои творческие амбиции.

Серёга не очень понимал, зачем он должен что-то объяснять и в чём-то убеждать начальника культуры района, если один из лучших студентов института культуры выбрал их посёлок, похожий на город несколькими кирпичными и па-

нтельными домами и красивой гостиницей. Он был уверен, что его тирада должна была разбудить даже самого спящего бюрократа. Но глаза Николая Константиновича ничего не выражали и оставались пустыми, а на лице чётко отражалась не радость, а единственный вопрос: чего припёрся, юноша?

Да, Лебедев никак не мог понять, что это за юноша сидит напротив него. Он реально думал, что Серёга, услышав грубый и циничный призыв не приезжать в этот город, никогда сюда и не приедет. Но, осознав неотвратимость случившегося из-за дефектов междугородней связи, вынужден был снова, глаза в глаза, сообщить, перейдя сразу на ТЫ, так как Серёга выглядел уже не мальчиком, но и не совсем мужчиной:

– Понимаешь, Серёга... буду откровенен. Народного театра в Суоярви нет уже лет шесть-восемь, а информация болтается по институтам для того, чтобы не потерять ставки. Что ты, Серёга, будешь делать в данной ситуации... нас, конечно, беспокоит, но не очень.

– А как же режиссёр Людмила... выпускница нашего института, направленная недавно в Суоярви? – Серёга вспомнил слова завкафедрой об одной из лучших выпускниц, получившей НЕДАВНО распределение в Суоярви.

– Ну, НЕДАВНО – понятие относительное... Лет десять назад... Было такое... Но сейчас она директор Дома культуры... Мы готовы оказать всю посильную помощь, устроить тебя на работу на три месяца... с окладом... подписать ди-

плом... выставить оценки, написать отличную характеристику...

Вроде бы что может быть проще – просидеть в этом городке (было обещано, что за приличную зарплату), подписать документы о постановке спектакля, рецензии, отзывы и прочее, вернуться с заслуженной пятёркой в Ленинград. Такой нормальный сговор – мы тебе пятёрку, а заодно и деньги, а ты молчишь о том, что у нас давно нет никакого театра.

Серёга ничего не ответил. Он был в лёгком шоке. И что делать Серёге в данной ситуации, если в очередной раз он откровенно попал... Намёки Лебедева про сговор Серёга в силу своего воспитания воспринял в неправильной трактовке и решил, что теперь надо ставить спектакль и защищать его в любом случае!.

Владимир Константинович не понял, что Серёга его намёк не воспринял, и отправил его договариваться в районный Дом культуры. Когда Серёга ушёл, Владимир Константинович позвонил Людмиле Ивановне и предупредил о том, что скоро придёт юноша с идеей поставить в её бывшем народном театре спектакль, и добавил, типа пускай разбираются с ним, как хотят. Затем Лебедев посмотрел на все молчащие телефоны, стоящие на столе, досчитал до десяти и, наверное, уснул.

Весёлые служители культуры

Серёга не торопился в Дом культуры, который находился совсем рядом. Он зашёл по дороге в гостиницу, в свой номер, и попытался настроиться на предстоящий разговор.

Дом культуры находился в шаговой доступности и от здания администрации, и от гостиницы, в укромном тихом месте на берегу озера, которое, как мы уже знаем, называлось Суоярви. Именно от названия озера и было образовано название города, который ранее назывался Шуезерск. Несмотря на то что Суоярви переводится как болотистое озеро, ничего болотистого в нём не было. Оно было прекрасное, девственно чистое, и когда выйдешь из Дома культуры подышать, смотришь, любуясь на огромное озеро и высокие ели на противоположном берегу, и сразу вспоминаешь известную песню:

*Долго будет Карелия сниться,
Будут сниться с этих пор
Остроконечные елей ресницы
Над голубыми глазами озёр.*

Сам же Дом культуры выглядел бедненько, но достаточно опрятно, спрятавшись за деревьями от улицы Гагарина и улицы Победы. Серёга сразу обратил внимание на то, что он был меньше, чем Дом культуры в посёлке Шортанды, где,

как мы помним, Серёга оказался случайно во времена своей студенческой юности, хотя в посёлке Шортанды проживало во много раз меньше жителей. Открыт Суоярвский районный Дом культуры был в послевоенном 1946 году и находился в относительно небольшом двухэтажном домике, построенном ещё финнами, и, как поговаривали, с тех пор никогда не был на ремонте.. Он был светло-зелёного, не очень приятного цвета, а с фасада была небольшая входная дверь и небольшое окно над ним. Скромненько. Окна на фасаде напрашивались, и их отсутствие делало фасад несколько ущербным. Все окна были по бокам. Внутри – три относительно больших помещения занимала центральная районная библиотека, а потому репетиционным классам, предназначенным для художественной самодеятельности, приходилось тесниться. Впрочем, их было совсем немного. Зрительный зал находился на втором этаже. Сцена не очень большая, но уютная, а зрительный зал с подъёмом почти идеален для театра. Также на втором этаже находилось и просторное помещение, где по выходным проводились танцевальные вечера или нечто, напоминающее дискотеки.

Чувствовалось, что культуре уделяется «большое» внимание, так как к дому культуры пристраивалось ещё нечто. Потом выяснилось, что строится это нечто уже десять лет. Именно там – в этой пристройке на втором этаже – должен был находиться кабинет главного режиссёра народного театра со специальным входом прямо со сцены. Но при-

стройку построили таким образом, что максимальная высота возможного входа в пристройку из старого здания со стороны сцены не могла превышать полтора метра. Это даже для невысокого Серёги было маловато. Видимо, архитекторы (если они были) забыли про одну несущую балку. Можно было войти в эту пристройку по пожарной лестнице, которая красиво размещалась вдоль стены. Но тогда входить надо было через окно, что тоже не очень комфортно. Как потом узнал Серёга – вот уже много лет начальники думали, что делать с этой оказавшейся в одночасье ненужной пристройкой. Впрочем, после встречи с культурным начальником у Серёги зародились сомнения о том, думает ли вообще в этом городе кто-то.

Людмила Ивановна после звонка Лебедева смогла оперативно собрать в Доме культуры весь немногочисленный коллектив по случаю приезда товарища из Ленинграда. Этот коллектив достоин отдельного описания, которое не подвластно моему перу. Весь коллектив состоял из женщин. Кроме одной женщины-методиста, бывшей замужем за местным милиционером, все остальные были разведены или никогда не бывшие замужем.

Доброжелательность коллектива отражалась на лицах всех собравшихся в небольшом кабинете директора ДК, тёплая встреча студента была гарантирована. При этом не звонок непосредственного начальника из отдела культуры стал определяющим. Скорее – любопытство. Но лёгкое разочаро-

вание они испытали, когда увидели двадцатилетнего мальчика с горящими глазами, но который, очевидно, не годился быть кандидатом в женихи. Серёга также с любопытством рассматривал собравшихся женщин – всё-таки он уже был не мальчиком...

Директора ДК найти было несложно, так как она сидела за главным столом. Людмила Ивановна, фактурная коренастая женщина с большим бюстом, с короткой стрижкой, с лицом без видимых следов косметики, выглядела лет на сорок и явно не походила на студентку того же института культуры и того же отделения режиссуры, которая НЕДАВНО (как говорил завкафедрой Борис Васильевич) отправилась по распределению работать режиссёром Народного театра. Она без предисловий и загадочных намёков прямо и цинично поведала, что Народный театр в Доме культуры как бы есть, потому что имеется помощник режиссёра Народного театра, но уже лет десять как он не работает.

Серёге тут же представили маленькую коротконогую задастенькую крепенькую женщину Нину Б. Представили её странно: «Нина, первая Б...» Все засмеялись, но серьёзная Людмила Иванова пояснила:

– Фамилия у неё на Б начинается. Энергичная девушка – поможет.

Более того, на ставку в Народном театре, как оказалось, оформлена была и заведующая постановочной частью театра, которой оказалась постоянно хихикающая молодая де-

вушка Татьяна с весёлыми озорными глазками – недавняя выпускница Петрозаводского культпросветучилища, проработавшая в ДК уже 5 лет. Татьяне было 25—26 лет, но она не произвела никакого впечатления на Серёгу, скорее всего, ему не нравилось её постоянное хихиканье.

То есть театр существует. Заслуженный театр – с наградами и репертуаром. Он даже что-то делает. Но режиссёра нет уже лет десять, так как Людмила Ивановна, став директором Дома культуры, не хотела им заниматься. А вакансия главного режиссёра, видимо, гуляет по соответствующим ведомствам. Возможно, она попала и в институт культуры, но Борис Васильевич её не заметил. В связи с этим театр как бы есть и как бы его нет.

– И как мне теперь быть? – вопрошал растерянный Серёга в кабинете директора Дома культуры, не очень понимая, как театр может быть и при этом не быть. Сотрудники, глядя на Серёгу, посмеивались.

– А чё надо? Поможем, чем можем... – отвечала директор Людмила Ивановна. – Сейчас мы что-нибудь поставим... И уж точно подготовим отчёт. Всё равно никто сюда не доедет проверять – был спектакль или нет...

– А артистов-то где мне искать?

– А зачем искать артистов. Может, без артистов? – пышногрудая директриса достала бутылку водки и ещё не успела её открыть, как на запах сбегались все остальные сотрудники Дома культуры, включая сотрудников библиотеки, кро-

ме художника, сидевшего и работавшего в своей мастерской, находящейся в подвальном помещении.

Напомню, что до этого Серёга водку не пил. Не стал он пить её и сейчас, хотя ситуация была критическая, и напиться он имел полное моральное право.

Серёга поехал в этот затерявшийся, закрытый в приграничной зоне город-посёлок с одной целью – поставить на сцене прославленного театра свою пьесу по роману бразильского писателя Энрико Вериссимо «Пленник» (отметим, что Серёга был большим поклонником собственных пьес и инсценировок), чтобы при этом были декорации, афиши, программки, аншлаги... Но это была не та пьеса, которую можно поставить без артистов. Безусловно, главную роль – американского лейтенанта – Серёга собирался сыграть сам, никак не желая смириться с фактом собственной актёрской бездарности, продолжая ставить над собой жёсткие эксперименты.

Кстати, о сути этой пьесы. Роман бразильского писателя Энрико Вериссимо «Пленник» Серёга прочитал в «Роман-газете», модном по тем временам периодическом печатном издании. Роман произвёл на Серёгу очень сильное впечатление. Почему? Серёга очень боялся войны. Наверное, под воздействием советской пропаганды, а может, просто в силу своего характера. Он был уверен, что любая война может закончиться ядерной войной, и неслучайно однажды написал страшное стихотворение, которое никому не пока-

ЗЫВАЛ:

*Раскаты грома гробовые.
Свистит испытанный фугас!
И черти зыркают больные
Огнём испепелённых глаз.*

*И небо стало грозно-чёрным,
Из крови – новый океан!
И по костям – массивам горным
Багровый стелется туман.*

*А в людях звери вдруг проснулись —
Друг друга рвут, забыв про страх.
От крови братьев задохнулись,
Чьи трупы теплятся в ногах...*

*И рушит всё – исчадье ада:
Звериный гриб, как ураган,
С подземного поднявшись сада,
По мирным носится садам.*

*Смешалось всё – цвета и звуки,
Земля дрожит, пытая нас!
И, причинив святые муки,
Исчезнет мир в кровавый час...*

*Земля, как череп обнажённый,
Пред взором бога предстаёт —*

*Со лба Земли течёт солёной
Гнилой струёй народа пот.*

*Сдувая атомов заразу,
Наши бог поклялся навсегда:
«Что б где-то я доверил разум
ещё кому-то... Никогда!..»*

В своём постановочном плане Серёга писал: *«Основная тема спектакля: война в современности, идея – бессмысленность войны, сверхзадача – не допустить подобного – являются, на мой взгляд, одними из самых актуальных, когда международная обстановка остаётся напряжённой. Многие люди привыкли жить спокойно, почитывать газеты, спорить, рассуждать... некоторые всерьёз задумываются над этой проблемой, но для них остаётся неразрешимым вопрос, как в наш век, век научно-технической революции, век людей образованных, рациональных, возможна эта опасность...»*

1980 год

Действие романа происходит во Вьетнаме во время так называемой Второй Индокитайской войны, которая на момент приезда Серёги в Суоярви закончилась всего четыре года назад. Но Серёга в своей инсценировке не упоминает страну, где происходят события, считая, что это может происходить в любой стране, где присутствуют американцы.

Американский лейтенант в оригинале был афроамериканцем, а потому тема, которая сегодня носит название Black Lives Matter (BLM; с англ. – «Жизни чёрных имеют значение») в романе имела важное место, но Серёга собирался сам сыграть эту роль и перекрашиваться в негра (от исп. negro, чёрный) не собирался, а потому эта тема напрочь исчезла из спектакля. Лейтенанту осталось дослужить в этой стране один день, он прощается со своей постоянной любовницей – проституткой Ку, которая после прощания с лейтенантом погибает от взрыва в кафе, устроенного, как предполагается, партизанами. Лейтенант расстроен и при этом получает от полковника последнее задание – провести допрос вьетнамского двенадцатилетнего партизана (в романе партизану было восемнадцать лет), чтобы узнать, где заложена бомба, которая должна взорвать десятки людей. Сцена допроса мальчика являлась центральной. Садист-сержант требует от лейтенанта санкции на применение пыток. Капитан-врач, присутствовавший при допросе – против. Оказавшись перед серьёзным жизненным выбором – жизнь мальчика, который молчал, как партизан, или десяток людей, которые могут умереть при взрыве. Капитан-врач руководствуется гуманистическими соображениями по отношению к пленнику, а сержант-садист предупреждает о возможном теракте. В конце концов, лейтенант даёт добро сержанту. Мальчик от ужасных пыток умирает, а бомбу обнаружили благодаря его сестре, которая хотела спасти жизнь брату. Далее следо-

вала сцена бурных дебатов лейтенанта с капитаном-врачом, который требует отдать его под трибунал за применение пыток. Главный герой в отчаянии почти сходит с ума. В пьесе у Серёги над лейтенантом решает пошутить майор, пугая его, а тот хватается за пистолет, но майор его опережает и убивает. Полковник успокаивает майора:

– Не расстраивайтесь. Если бы вы не выстрелили в него, мы все были бы на том свете с брюхом свинца. И погибло бы ещё много людей... была бы страшная бойня...

Этим же самым и лейтенант объяснял свой поступок, когда отдавал приказ пытать мальчика, фактически согласившись на убийство.

Вот такая философская история.

Справедливости ради надо добавить, что когда Серёга писал пьесу, то обсуждал её вместе с одним товарищем, который проживал в Петрозаводске и работал преподавателем в Карельском культурно-просветительном училище (сейчас: Карельский колледж культуры и искусств). Познакомился с Юрием Вьюгиновым в Ленинграде, но затем часто бывал у него дома в Петрозаводске, обсуждая и дорабатывая пьесу, в том числе решая вопрос, как поставить спектакль без артистов. У Юрия была очень интересная квартира. В ней отсутствовали стены, так как все они были заставлены книжными шкафами. Это произвело сильное впечатление на Серёгу.

Понимая, что суть пьесы для сотрудников Дома культуры не представляет никакого интереса, Серёга тоскливо вздох-

нул и, дождавшись, когда работники выпили по первому стакану, произнёс:

– Нельзя без артистов...

– А мы на что? – сказала весёлая девушка-хохотушка по имени Татьяна, и работники снова опустошили стаканы.

– Понимаете, у меня пьеса про вьетнамскую войну, там только две женские роли – остальные мужские.

– Загримирuemся в мужиков... хи-хи.

Заметив, что неожиданный гость уже чуть не плачет от досады, Людмила Ивановна решила его пожалеть, привстала, чтобы легонько Серёгу приобнять:

– Я же сказала, поможем, чем можем. И тебе, и вузу нашему с тобой общему. Сейчас в бумагах покопаемся и найдём адреса тех, кто когда-то играл в нашем театре... Правда, давно уже... лет семь или десять назад. Но ты их сам уже ищи.

– А как же так – сотрудники есть, а театра нет? Как же вы отчитываетесь? – спросил неугомонный Серёга.

– А мы отчитываемся не тем, что делаем, а тем, что пишем... – хихикнула весёлая Татьяна.

– Неправда! – строго прервала её Людмила Ивановна. – У нас есть театральная агитбригада, много гастрوليруем, помощник главного режиссёра Нина, несмотря на долгое отсутствие самого главного режиссёра, очень старается (в этот момент хихикнула маленькая Нина). Кстати, и ты, Серёга, должен будешь поучаствовать в наших гастролях! Надеюсь, что стихи читать умеешь.

– У меня всего три месяца...

– Всё успеешь. У нас на Севере время медленное... Кстати, а как пьеса называется?

– «Пленник», – выдохнул Серёга.

– О! Пленник Суоярви! – хихикнула Татьяна, и все сотрудники поддержали её своим смехом.

Пленник Суоярви. Как найти артистов?

Ближе к вечеру Серёга вместе с уже нетрезвой женщиной Ниной, которая, напомним, числилась помощником режиссёра театра, рассматривали в пожелтевших папках карточки бывшей труппы театра. Учитывая, что театр был создан в 1966 году, картотека выглядела достаточно объёмно. Для того чтобы понять, каких артистов необходимо было искать, следует рассказать о тех героях, которые были необходимы Серёге для постановки пьесы. Собственно, в пьесе «Пленник» было всего восемь персонажей. Главный – лейтенант, практически не уходящий со сцены. На эту роль Серёга, как мы уже знаем, назначил себя.

Полковник, комендант города – типичный солдафон, постоянно отождествляющий себя с государством, считающий себя истинным патриотом, борцом за демократию во всём мире и, обуреваемый этой идеей, готовый уничтожить всех вокруг. Он ненавидит жителей этой страны, называя их червями, пиявками, моллюсками, и никогда не улыбается и не даёт никому шутить. Всегда усталый и сосредоточенный.

Сержант, бывший полицейский со злобным лицом бандита, здоровенный мужик, жестокий, с садистскими наклонностями, считающий себя палачом по призванию.

Капитан-врач, зануда, который не считает себя ни патриотом, ни самым умным, он просто самый честный, а все остальные вокруг подонки, и ему, гуманисту, сложно среди них.

Майор, заместитель коменданта, полная противоположность полковнику. Улыбка не сходит с его лица, говорит ли он о смерти десятков людей или о смерти лейтенанта в финале спектакля, всегда с усмешкой, иронией, смешанной с пренебрежением и равнодушием ко всем, кто его окружает. Считает себя здесь самым умным, а всех остальных – низкими существами: полковник – debil-солдафон, сержант – дубина и садист, капитан – хлюпик и т. д.

Женских героинь было две: любовница лейтенанта – проститутка Ку, которая умирает при взрыве в кафе перед тем, как Серёге поставят задачу допрашивать маленького партизана, и местная учительница, с которой лейтенант мог делиться самым сокровенным.

Был ещё и мальчик двенадцати лет, который всё время молчал, как партизан.

– Вот этого я знаю... – комментировала Нина карточки артистов. – Александр К., взрослый, в театре играл с самого основания. Все его хорошо знают. Жена у него, кстати, тоже актрисой была. Думаю, что согласится. И Вовку К. помню, очень хороший парень. Весёлый, солидный, а главное, не пьющий, как все, а значит, надёжный. Главное, чтобы не съехал из города... А если ещё... – Нина задумалась,

опрокинула стакан с остатками белой жидкости и закурила. – Надо с Юрой поговорить. Вот он, Юра Н., посмотри. Прекрасный парень. Короче, Серёга, если тебе с этими мужиками удастся договориться, считай дело сделанным. Главное, чтобы не спились и не уехали куда-то. Давно их не видела.

На роль проститутки Ку Серёга без труда нашёл кандидатуру – уж очень по виду на эту роль подходила весёлая Татьяна. Серёга хотел посоветоваться по поводу Татьяны с Ниной, но в это время в комнату отворилась дверь и в её проём с трудом вошёл огромный мужчина с большим круглым усатым лицом.

– Привет, Нина!

– Привет, Семёныч! Познакомься, это Серёга – режиссёр из Петербурга.

– Здравсьте... – Семёныч удивился, но не стал задавать никаких вопросов.

– Вернулся?

– Да, развозил литературу...

– Развёз? Ну, тогда до завтра.

Семёныч, пригнувшись и «сжавшись», вышел, а Серёга остался сидеть с открытым ртом:

– Кто это?

– Это тёзка твой, Сергей Матросов, Семёнычем зовём – водитель нашей автобиблиотеки, она же автоклуб. А что?

– Он так подходит мне на роль садиста-сержанта...

Нина рассмеялась:

– Это его обрадует! Да он сцены боится как огня. Он и в машине тише травы, ниже воды... – Нина уже путалась в словах.

– Но можно же попробовать?

– Ладно, давай продолжим заниматься реальными персонажами...

Серёга выписал около десяти адресов, где жили бывшие и подходящие для участия в спектакле артисты, и, удовлетворённый, пошёл ужинать в ресторан. Ресторан – особая тема для описания. Скорее всего, именно он являлся подлинным центром досуга. Надеюсь, что когда-нибудь смогу поподробнее описать, что происходило в этом «центре досуга», где Серёга вынужден был иногда ужинать. Выбор для ужина был невелик: куриные ножки, чья-то печень и вроде бы котлеты. Куриная нога легко зашла в Серёгу, и, относительно сытый и уставший, он лёг спать, чтобы подготовиться к марафону по поиску артистов.

В Суоярви падал снег. Казалось, что он никогда не прекращается. Было красиво, но холодно. Февраль в Карелии жёсткий месяц. Серёга начал свой поход по квартирам бывших артистов народного театра. Городок был хоть и маленький, но вытянутый вдоль озера, а поэтому расстояния были большие, а два или три автобуса с единственным номером ходили редко. Но для того, чтобы переговорить с потенциальными артистами, необходимо было преодолевать эти расстояния сквозь постоянно идущий снег. Видимо, у Серёги

был дар убеждения, потому как получился даже некоторый кастинг на мужские роли, и в результате к середине марта Серёге удалось сформировать актёрский состав спектакля и, что немаловажно, убедить жён потенциальных героев пьесы. Александр К. – самый опытный артист народного театра, в миру работавший в лесном хозяйстве, отлично подходил на роль полковника, потому как был солидным и фактурным мужчиной с низким красивым голосом. Владимир К., чья работа состояла в диагностике железнодорожных путей, оказался весёлым парнем, но с удовольствием согласился играть роль зануды капитана-врача. А Юрий Н. также оказался простым парнем и без долгих колебаний взял на себя роль весёлого циничного майора. Всем мужикам Серёга раздал по варианту пьесы и договорился о самом удобном времени для репетиций.

На роль учительницы – друга лейтенанта, с которой он проводит душевные беседы до и после сцены допроса – был большой конкурс. Город был известен в Карелии большим количеством одиноких женщин, которых почему-то называли «офицерскими вдовами». Никакими вдовами они, конечно, не являлись, и, скорее всего, это выражение закрепилось за ними, потому как относительно недалеко находилась пограничная часть и офицеры частенько наведывались в Суоярви, чтобы провести время, и это проведённое время в итоге заканчивалось рождением нового жителя Суоярви, а сами офицеры неожиданно пропадали. Но были среди жен-

щин и много учительниц, молодых, свободных и талантливых, и с каждой хотелось и порепетировать, и на сцене сыграть, и выпить после премьеры. Выбрал он действительно талантливую, симпатичную и умную девушку, но, несмотря на всю её привлекательность, с ней он только репетировал.

Последним удалось уговорить выйти на сцену в роли сержанта-садиста водителя автобиблиотеки. Это было самое трудное. К этому времени Серёга уже нашёл в одном из городских общежитий пятиклассника для роли вьетнамского партизана и зримо представлял себе сидящего на стуле маленького мальчика и громилу-водителя. Но водитель Семёныч честно признался, что он никогда не выходил на сцену, что он очень стеснительный и у него полностью отсутствует память.

– А не надо ничего учить. Несколько фраз можно будет прочитать с листа, сидя за столом. А запомнить слова «До взрыва осталось полчаса» и «Решайтесь же, лейтенант!» даже тебе, тёзка, не составит большого труда, – убеждал Серёга водителя и, наконец, своего добился.

Начался период репетиций. Пьеса заведомо была так написана, чтобы облегчить задачу режиссёру по сбору артистов. Всем вместе необходимо было собраться только в прологе, чтобы спеть Серёгину песню, и в финале, где опять надо было всем петь. Остальные сцены были диалогами, и репетировать их можно было на квартирах у привлечённых артистов в удобное именно для них время.

В Доме культуры Серёга репетировал центральную сцену допроса с мальчиком Юрой А. из общежития и сержантом, он же водитель автоклуба Семёныч. Репетировать можно было хоть каждый день или вечер, когда Семёныч возвращался с развозки литературы. Юру родители готовы были привозить в любое время, так как им очень нравилось, что их сын – артист.

Но наиболее приятным моментом в общем репетиционном процессе, конечно, были репетиции с веселушкой Татьяной. Ей тоже нравилось чувствовать себя актрисой, видимо, после окончания культпросветучилища у неё остались не востребуемые творческие начала.

В марте и апреле Серёга также работал с композитором и художником. Композитору – преподавателю музыкальной школы (очень симпатичной девушке) – он напевал свои песни, а она положила их на ноты, по которым любой аккомпаниатор мог бы их исполнить, так как в начале и в конце спектакля предполагалось хоровое пение.

С художником Дома культуры Павлом А. Серёга рисовал декорации. Это был непростой процесс. Павел был единственным или одним из немногих настоящих карелов в этом городе, немного заторможенным, медлительным, занудливым и не подходил Серёге по темпераменту, которому хотелось всё сделать быстро и немедленно. Пить художник не мог, хотя, видимо, и хотел, потому что каждый вечер за ним приходила жена и принималась. Видимо, уже своё

отпил. Но и с художником Серёга быстро нашёл общий язык, и декорации были готовы за четыре дня до спектакля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.